

Алексей Николаевич ФЕДОРОВ —
аспирант Института российской истории
Российской академии наук
(г. Москва)
iri@iri-ran.ru

УДК 94 (470). 1918/1920

К ВОПРОСУ О СКЛАДЫВАНИИ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1918-1920 ГОДАХ*

Аннотация. Автор рассматривает проблемы повседневной жизни, возникшие перед советским обществом в постреволюционном городе. Особое внимание уделяется условиям быта горожан в годы гражданской войны.

Summary. In clause the problems of the daily life which have arisen before the Soviet society in postrevolutionary city are considered. The special attention is given to conditions of a life of the townspeople within Civil War.

Ключевые слова. Система общественного питания, Советская Россия, гражданская война.

Key words. System of public catering, civil war, the Soviet Russia.

В современном мире вопросы, связанные с продовольствием, его распределением, постепенно выходят на первый план, как в международных отношениях, так и во внутренней политике того или иного государства. Россия здесь не является исключением: продовольственный вопрос остается одним из важнейших факторов, влияющих на социальную политику власти. В этой связи обращение к опыту прошлого представляет интерес не только в чисто научном, но и в практическом отношении. Особое внимание исследователя привлекают отрезки истории, в которых случались войны, революции, реформы. Они приносили в человеческую жизнь нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне. В этом плане историческая ретроспектива позволяет проследить, как решалась ранее проблема распределения продовольствия.

Наш соотечественник, живший в условиях революции и гражданской войны (1917-1920 гг.), видел главную проблему своей повседневной жизни в удовлетворении элементарных физиологических потребностей. Одной из таких базовых потребностей была пища, наличие которой позволяло просто пережить сегодняшний день. Для современников «эпохи перемен» пища была одновременно и мечтой и реальностью, в которой приходилось бороться за право на свое существование. Человек засыпал с мыслью о еде. Она приходила во сне, воплощаясь в виде грезы о «шумящем самоваре» и «горячих, запеченных булочках» [1]. После пробуждения желание поесть хоть что-нибудь, пусть самую грубую пищу, еще больше усиливалось и неотступно преследовало на протяжении всего дня. Вечером человек снова проваливался в голодный сон, в котором ему «снились булочки». Людью овладевало чувство апатии и безразличия.

* Статья подготовлена в рамках Программы ИОФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов», проект «Российский город в условиях революционных потрясений и трансформаций: 1917-начало 1920-х гг.»

Чем большее количество людей проживало в одном месте, тем более острой становилась проблема обеспечения всех граждан достаточным количеством продовольствия. В этом плане особенно трудно пришлось крупным городам, таким как Москва и Петроград. В современной историографии применительно к городской жизни 1917-1920 гг. уже прочно утвердилось такое понятие, как «стратегии выживания», обозначающее методы получения отдельным человеком пищи. Существует несколько классификаций этих «стратегий» [2], можно предложить еще одну, разделив их на личные и коллективные способы добывания продовольствия. За последнее десятилетие основное внимание ученых было приковано к «личным стратегиям», например, к мешочничеству, которым в условиях гражданской войны занимались или к которому опосредованно были причастны все граждане Советской России. Использование же массово организованных форм питания, например, общественных столовых, незаслуженно привлекает к себе гораздо меньший интерес исследователей. Вызывают дискуссию такие вопросы, как степень организованности работы советских столовых, качество обслуживания посетителей, характер житейских проблем, с которыми столкнулись конкретные заведения общепита.

Целью общественного питания в 1918-1920 гг. было не только «улучшение питания в годину продовольственной невзгоды, не только «прикорм» некоторых групп населения. *Цель общественного питания — перевоспитание общества, уничтожение самого опасного стимула наживы и частной собственности — индивидуального питания», подготовка к коммунальному питанию, борьба за социализм*» [3] (курсив авт. — А.Ф.). К 1919 г. в Советской России обозначились два основных пути развития системы общественного питания. Первый условно обозначим «петроградским», второй, также условно, — «московским». В Петрограде все горожане «прикреплялись» к общественным столовым, отдавая часть своего продовольственного пайка в виде карточек, в Москве более ярко был выражен «классовый принцип», когда такие пункты «давали дополнительное питание *некоторым, наиболее нуждающимся*» (курсив авт. — А. Ф.) слоям населения сверх их «карточного пайка» [4].

В Москве такая система официально возникла 17 февраля 1918 г., с момента создания Комитета общественного питания при Продовольственном Отделе Московского Совдепа. Первоначально его задачи были достаточно скромными: в 16 столовых, ранее принадлежавших Городской Думе, была организована выдача бесплатных обедов для безработных, беженцев из районов, захваченных немцами, солдат и некоторых других категорий населения. Вскоре бесплатные столовые перестали справляться с потоком посетителей, кроме того, властям стало понятно, что в течение всего лишь нескольких недель затрачены колоссальные средства, что «благотворительность неуместна» и следует вводить элементы самокупаемости предприятий общепита. Свободный вход для всех горожан, открытие новых заведений питания обеспечили приток столь необходимых наличных денег [5]. Через 5 месяцев число столовых достигло 100, обозначив явную тенденцию к их дальнейшему росту и сплошному охвату всех районов г. Москвы.

Для горожанина, жившего в условиях революционных перемен, возможность работать в общественной столовой считалась большой удачей. После введения продовольственной диктатуры в Советской России (май 1918 г.) постоянный, а главное, законный доступ к продуктам мог обеспечить и личное выживание работника столовой, и относительный достаток его семьи. Естественно, что это, с одной стороны, накладывало дополнительную ответственность, а с другой — порождало вполне конкретные соблазны. Например, соблазн что-нибудь украсть из съестных припасов. Случаи откровенного хищения продуктов в системе общественного питания в 1918-1920 гг. были широко распространены. Например, в одной из московских сто-

ловых по этой причине за один только месяц 1919 г. сменилось 3 заведующих, а ее сотрудники «получают то, что готовится и при Веселовском, и при Крамме, и при Спиридонове» [6]. Постоянные ревизии государственных контролеров обнаруживали просто вопиющие факты злоупотреблений и заставляли сотрудников столовых действовать более искусно, как в организации хозяйства, так и в отношении отчетности. Достаточно привести характерный пример: продукты «усыхали, ужаривались, упаривались или просто неизвестно куда делись» [7].

В свою очередь, это не могло не сказаться на калорийности готовых к употреблению блюд, которая, по подсчетам историков, была на порядок ниже нормы [8]. Над таким понижением профессионально работают не только советские столовые, но и продовольственные склады, с которых поступают продукты, а также непосредственные производители. Таким образом, конечное блюдо проходило, как минимум, 3 стадии фальсификации. Например, молоко, прежде чем поступить в город, разбавлялось непосредственно в деревне, что показывал анализ содержащейся в нем воды [9]. Далее, на последующих стадиях движения молока к потребителю, дополнительно снимались сливки и шло повторное разбавление. Или другой пример фальсификации такого стратегически важного продукта питания, как хлеб. Данные за 1 день работы 5 хлебопекарен г. Москвы свидетельствуют об «исчезновении» порядка 200 пудов хлеба [10]. Готовый хлеб затем поступал на кухни столовых, где непосредственно нарезался на порции таким образом, что до потребителя могла дойти вместо положенного куска весом $1\frac{1}{3}$ фунта лишь «горсть крошек». Это нарушение даже потребовало личного участия Московского Совдепа, установившего в январе 1919 г. норматив «раскрошки» — 3 фунта на 1 пуд хлеба [11].

Отдельно следует отметить организацию обслуживания посетителей заведений общепита. Новые советские столовые, появившиеся в период 1918-1919 гг., по большей части открывались в помещениях, которые не были специально предназначены для сферы услуг. Как правило, это был бывший жилой сектор, перешедший в ведение местных Советов после муниципализации недвижимости. Характерно описание такой столовой, организованной в бывшей квартире: «Много грязи и большие неудобства при скоплении посетителей. Единственной вентиляцией являются форточки, что при наличии громадного количества пара кухни и большой тесноты в помещениях для посетителей совершенно недостаточно. Стены мокрые, воздух парен и удушлив, уборные, источающие зловоние и инфекции, находятся в недопустимой близости с кухней. Нет отдельных комнат для чистки овощей, мытья посуды, для стирки белья, отчего кухня содержится грязной, белье сушится над котлами с пищей, мокрый пол покрыт очистками и отбросами. Продукты, например мясо, хранятся в кладовых прямо на полу. Почти всюду недостаточен инвентарь. Не хватает посуды и даже столов. Обедующие ждут очереди в бесконечных хвостах» [12].

Учитывая, что пропускная способность столовой начиналась от нескольких сот человек и часто доходила до тысячи, характерными спутниками любой очереди были постоянные давка и ругань. В столовой Президиума Московского Совдепа «тянутся 3 хвоста очередей: одна у кассы, другая — за первым блюдом и третья — за вторым блюдом. К счастью, нет еще четвертой очереди за чаем. Простаивание в хвостах отнимает много времени (часто до часу) и, таким образом, непроизводительно затрачивается время в ущерб деловой работе. В связи с хвостами в столовой возникает целый ряд конфликтов: стоящие в передних рядах очереди товарищи берут поручения по знакомству от тех, которые пришли позднее и хотят избавиться от стояния в хвосте. Это вызывает вполне справедливое возмущение со стороны ждущих очереди. Многие подходят вне очереди, ссылаясь на «занятость». Это еще больше возмущает «хвостистов». Наблюдается случай, когда одно и то же лицо обедает 2 раза. Многие стремятся обеспечить себе заранее

место за столом, вследствие чего получивший обед не может найти место за столом, а в то же самое время за столами никто не обедает» [13].

Другой проблемой становилось отсутствие специально подготовленного обслуживающего персонала. В столовую часто попадали «случайные» люди, рассматривавшие ее как один из способов обеспечения своего существования. Во многих столовых была введена система самообслуживания: «Публика сами наливают кипяток, за который, можно думать, не всегда уплачивается по причине недосмотра, и моют себе посуду. При выдаче обеда и чая посетители испытывают страшное неудобство, так как приходится самим искать посуду, мыть ее или приносить свою. Посетителям под залог выдаются только ложки и стаканы, а миски, верней полоскательницы, всякий может брать и действительно берет после откушавшего соседа. На этой почве происходят частые недоразумения даже в самой публике между собой, не говоря о столкновениях со служащими» [14]. Такая культура обслуживания вытекала из временного принципа организации работы заведений общественного питания — 3-4 часа во второй половине рабочего дня [15]. Кто не успевал посетить столовую в это время, рисковал остаться без обеда.

Потенциально, при правильной постановке дела, советские столовые могли стать не только местом, где потребляют пищу, но и культурным заведением. Советский анекдот той поры «о правилах хорошего тона»: «Допустим, приходят гости, — что должен делать современный хозяин? Прежде всего, конечно, надлежит руководствоваться народной мудростью: «Незванный гость хуже татарина», следовательно, гнать его в шею. Я говорю о незваных гостях, ибо званых не бывает теперь. А если бы таковые и оказались, то все равно не застали бы хозяина дома, так как безумец, пригласивший гостей, срочно был бы отправлен родными под названием «миллионера-оригинала» в какой-нибудь музей, в исторический отдел и демонстрировался бы между настоящим калачом и «бруттовским» рублем» [16].

Гостей не ждали, а если они и приходили на чай, то обязательно со своим сахаром [17]. Поэтому единственным местом, где встречались друзья и знакомые, становились общественные столовые. В источниках есть указание о планах советской власти создать столовые-читальни, где люди могли бы приобщиться к прекрасному миру книги. Отдел по Делах музеев и Охране памятников искусства при Наркомате просвещения, в целях ознакомления «широких масс» с произведениями искусства предлагал «второстепенные произведения искусства» постоянно выставлять в общественных столовых [18]. Существовали и проекты демонстрации в питательных пунктах кинофильмов, спектаклей, экзотических растений и т. п.

В течение первых лет советской власти по всей Москве было создано всего лишь несколько таких столовых-читален, где люди могли просто поговорить друг с другом или что-нибудь почитать. Действительность же была более прозаичной: внутри столовых разносчики торговали папиросами, которые тут же потреблялись на месте, о чем свидетельствовали окурки, брошенные на пол, и заплеван-ные стены. Активным спросом пользовались и слабоалкогольные напитки. В рабочей столовой им. Б. Борохова только за один летний месяц 1919 г. было выпито 180 ведер пива, что заставляло администрацию дополнительно закупать столь необходимый напиток [19]. Столовая, наряду с храмом, стала притягательным местом для нищих. Кроме того, широкое распространение получили игральные карты [20], и посетитель в порыве азарта мог вполне проиграть свой скудный обед*. Для завершения общей картины — около общепита постоянно выбрасывались пищевые отходы.

* В 1920 г. самым «популярным» блюдом (в смысле частоты приготовления) была картофельная запеканка либо вегетарианский суп из картофеля.

Система общественного питания затронет не только взрослое население городов, но и детей, как находящихся на попечении родителей, так и лишенных опеки. Первые школьные столовые появились еще до революции 1917 г., и содержались на отчисления родителей учеников. Поскольку классическое среднее образование могли обеспечить только состоятельные родители, школьные столовые получали от них значительные средства, что напрямую отражалось на качестве рациона. В ноябре 1917 г., в разгар революционного хаоса, ученица одной из московских гимназий, Вера Исаева, в письме к матери описала свой обед: «Сегодня у нас особенно вкусный обед был. Только было всего помалу, и никто не наелся. Утром, значит, был чай, а к обеду — суп из пшеничной крупы, с четвертью хлеба ($\frac{1}{4}$ фунта — *А.Ф.*). На второе — по одной небольшой котлетке из селедок и к ним какие-то клецки из муки и сала. А на третье — по одной маленькой оладьи из яблок» [21]. Следует признать, что в условиях продовольственного кризиса обед вполне сносный, хотя, естественно, никаких гарантий, что завтра он повторится, и, может быть, будет еще лучше, не было.

Заявленный новой властью равный доступ к образованию разрушил сложившуюся систему школьного питания в первую очередь в плане финансирования данных заведений. Семьи рабочих по объективным или субъективным соображениям отказались принять на себя основную функцию оплаты школьных обедов. Следовательно, формально содержание бесплатных столовых легло на плечи всех горожан, даже тех, у кого не было детей школьного возраста. Финансирование обеспечивалось путем введения новых налогов в пользу созданного Фонда детского питания. Например, 19 июня 1918 г. Президиум Московского Совета утвердил проведение «Детского дня». В течение месяца каждая московская семья была обязана внести порядка 15-50 руб. на счет Фонда, в противном случае за каждый день просрочки платежа начислялась 2%-ная пеня [22]. В случае просрочки примерно на $1\frac{1}{2}$ месяца сумма удваивалась. Если и эта карательная мера не действовала, то помогали административные методы: удержание заработной платы (сумма выросшего в 2 раза налога могла «съесть» 15-25% заработка среднего советского служащего), либо вмешательство домовых комитетов жильцов и органов правопорядка (действенным способом взыскания налога было реквизирующее имущество).

Проведение «Детского дня» давало на нужды 190 тыс. маленьких москвичей около 9 млн рублей. В условиях ежедневной инфляции сумма была незначительной. Власти не стали вводить еще один прямой налог в пользу детского питания и перешли на косвенное обложение. Были введены следующие налоги: на холостяков и девиц (в 1919 г. небывалый по сравнению с 1917 г. рост числа брачующихся), на буржуазию (с осени 1918 г. выселены за пределы Москвы), на билеты в кинематографы и театры; также проводились ежемесячные детские лотереи. Несостоятельность попыток введения бесплатных школьных обедов стала очевидной уже в октябре 1918 г., когда все дети были поделены на 5 категорий. Бесплатные обеды получали лишь дети до 14 лет, оставшиеся без попечения родителей. Для содержания других категорий была восстановлена прежняя практика оплаты обедов родителями — от 25 до 100% себестоимости в зависимости от имущественного положения семьи и количества в ней детей. Властями признавались определенные финансовые затруднения в организации детского питания: «...в первую очередь мы должны удовлетворить детей I и II категории, как наиболее беспомощных. Затем следуют III и IV категории: причем если нельзя удовлетворить их целиком, то наполовину или хотя бы на четверть. Это значит,

что если мы не в состоянии прокормить, помимо I и II категории, детей III категории, то *будем кормить по 1 ребенку из каждой семьи этой категории* (курсив авт. — А.Ф.)» [23].

Дети чувствовали безразличие взрослых по отношению к себе. Подрастало целое поколение, у которого не было детства, разрушены «все юношеские планы» [24]. Такой ребенок «...отправляется в «Судпродком», то есть, на Сухаревку* и начинает свою работу: сначала помаленьку, так что еле выручает свои деньги, но через некоторое время из него выходит маленький спекулянтик. Он уже смело выходит на базар с мешком на спине, бойкий, немного нахальный, с вызывающим взглядом и кричит: «Мыло, спички, табак, махорку покупаю!» Оглядываешься на такого ребенка, покачаешь головой и проходишь, будто это так и должно быть, и что учиться не время, когда надо кушать, ибо «кто не работает, тот не ест». Что может получиться из этого и подобных элементов для свободной России?» [25]. В сводке Рабоче-крестьянской инспекции по г. Москве (август 1919 г.) сообщалось: «Детская спекуляция принимает все большие размеры. Если месяц тому назад спекулирующих детей можно было встретить только на площадях и рынках, то теперь на каждом углу встречаются дети, торгующие папиросами, спичками, конфетами и пр.» [26].

Таким образом, в 1918-1920 гг. каждый человек, независимо от возраста, был поставлен перед фактом самостоятельной заботы о себе. Проводить какую-либо взвешенную социальную политику в таких условиях было крайне трудно. Создание системы общественного питания означало, что горожанин получил еще один, официальный источник пополнения своей продовольственной корзины. С другой стороны, организационные принципы этой системы, базирующиеся на перераспределении материальных источников внутри городского сообщества, приводили к нивелированию условий жизни. Постепенно все горожане становились одинаково бедными людьми, не видевшими перспективы в своем настоящем времени и обозримом будущем. Такое самоощущение накладывало отпечаток и на повседневную жизнь рядового человека, и на материальные структуры, которые его окружали, в частности, общественные столовые. Заявленный советской властью переход к коммунальному питанию, как одному из существенных мероприятий в деле «борьбы за социализм», нес на себе все противоречия «военно-коммунистического эксперимента», прежде всего, в плане эгоистичности устремлений отдельных граждан, стремящихся к обеспечению только своего личного выживания. В этой связи складывание системы общественного питания в 1918-1920 гг. подтверждает господство личных стратегий выживания в жизни отдельного гражданина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 3. Д. 51. Л. 67.
2. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С. 20-27.
3. Сб. инструкций и смет по оборудованию и эксплуатации общественных питательных пунктов. М., 1919. С. 3.
4. Там же. С. 2.
5. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 61. Л. 116.
6. ЦАГМ. Ф. 2485. Оп. 1. Д. 2. Л. 15об.
7. Там же. Л. 22об.

* Сухаревский рынок, одно из самых оживленных мест торговли в Москве в 1918-1920 гг.

8. Ильяхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М., 2007. С. 45.
9. Врачебно-санитарная хроника Москвы. 1918. № 1. С. 7.
10. ЦАГМ. Ф. 2485. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
11. Там же. Ф. 1616. Оп. 3. Д. 26. Л. 2.
12. Там же. Д. 26. Л. 3.
13. Там же. Ф. 2435. Оп. 1. Д. 15. Л. 133.
14. Там же. Ф. 1616. Оп. 3. Д. 39. Л. 58об.
15. Там же. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 24. Л. 18, 19.
16. Тульская молва. 1918. 18 мая.
17. ЦМАЛС. Ф. 69. Оп. 1. Д. 156. Л. 8.
18. ЦАГМ. Ф. 1773. Оп. 1. Д. 25. Л. 36.
19. ЦГАМО. Ф. 6349. Оп. 1. Д. 1. Л. 24, 25, 33, 37, 41, 43.
20. ЦАГМ. Ф. 1616. Оп. 3. Д. 54. Л. 11.
21. ЦМАЛС. Ф. 69. Оп. 1. Д. 156. Л. 10.
22. ЦАГМ. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.
23. Продовольственное дело. 1918. № 36. С. 13.
24. ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 3. Д. 51. Л. 5об.
25. ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 3. Д. 51. Л. 74.
26. ЦАГМ. Ф. 1616. Оп. 3. Д. 80. Л. 6.

*Александр Александрович ВАЛИТОВ —
ст. преподаватель кафедры права
и отечественной истории*

*Татьяна Михайловна ДМИТРИЩАК —
ассистент кафедры права
и отечественной истории —
Тобольский государственный
педагогический институт им. Д.И. Менделеева
aladin26@yandex.ru*

УДК 339 (571.1)

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТЮМЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ НЭПа

Аннотация. В статье рассматривается один из важных аспектов новой экономической политики в западной сибире — торговая деятельность, особенности внутренней и внешней торговли. Авторы предпринимают попытку представить общую картину развития торговых отношений в тюменской губернии в годы новой экономической политики.

Summary. In clause one of prominent aspects of new economic policy in the Western Siberia — trading activity, features external and domestic trade is considered. Authors make an attempt to present the general picture of development of trade relations in the Tyumen province within new economic policy

Ключевые слова. Тюменская губерния, новая экономическая политика, торговая деятельность.

Key words. The Tyumen province, new economic policy, trading activity.

Данная тема еще слабо освещена в современной отечественной историографии, хотя анализ торговых отношений может стать необходимым условием для более целостного понимания и осмысления такого явления как нэп в условиях Западной Сибири.